

EVGENY YABLOKOV (ЕВГЕНИЙ ЯБЛОКОВ) <https://orcid.org/0000-0002-7926-1689>**КТО ВЫ, МАНДАРИРЫ КУЛЬТУРЫ,
ИЛИ ЗАНИМАЛАСЬ ЛИ МАСТУРБАЦИЕЙ ПУШКИНСКАЯ ТАТЬЯНА?**

Виктор Г. Арсланов. *«Третий путь» Андрея Платонова: Поэтика. Философия. Миф.* Владимир Даль, Санкт-Петербург 2019, 558 с.

ПОКАЯННОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Коллеги, поверьте: я тоже знаю, что предназначенные для серьезных журналов рецензии на толстые книжки должны быть строгими и степенными. Но, как говорится, материал не позволил. Помните заповедь Николая Некрасова про «стиль, отвечающий теме»? Это как раз тот случай. Стиль рецензируемого труда настолько меня впечатлил, что захотелось донести его и до вас.

А вообще содержание тома можно изложить в двух словах. Его автор уже долго (полвека с лишним) по мере сил занимается творчеством двух советских философов и эстетиков — Михаила Лифшица и Дьёрдя Лукача. В 1930-х гг. те были знакомы с писателем Андреем Платоновым и высказывались о его творчестве. Поэтому Виктор Арсланов решил, что он в состоянии выдать книгу и про самого Платонова. Но, увы, не осилил. Вернее, продукт-то налицо: снаружи — переплет с платоновским портретом, внутри — чуть ли не шестьсот страниц, а на них — текст. Только это всё не про Платонова. Так что не верьте заглавию: ни поэтики там нет, ни философии, да и с мифом плоховато.

ТЕПЕРЬ РЕЦЕНЗИЯ

Я заранее подозревал, что, если человек, никогда не занимавшийся Платоновым, вдруг разрешился тучным сочинением о нем, ничего хорошего выйти не может. Вот и не вышло.

Виновата моя давняя привычка читать про Платонова все, что попадает под руку. Наткнувшись в магазине на книжку Арсланова, долго раздумывал: купить — не купить... Ибо не верил — прямо как Константин Станиславский; да и жалко было почти тысячу рублей. Но любопытство победило. И, как часто бывает, — совершенно напрасно.

Быстро поняв соотношение цена — качество, я принялся считать печатные площади. К этому толкало недоумение: страница текла за страницей, однако их содержимое имело к Платонову явно отдаленное отношение. Фамилия его периодически мелькала, упоминались некоторые произведения и персонажи, но суть «исследования» упорно не вырисовывалась (забегая вперед, скажу, что такое положение дел сохранилось до самого конца). Вот я и стал, читая — считать, чтобы представить если не проблематику книги, то хоть ее тематику. Подсчеты приблизительные, но показательные. Про Платонова — едва четверть: от силы 150 страниц. Еще примерно 110 — про Леонида Леонова (не спрашивайте почему; я не знаю). Кроме того, есть пассажи о Генрихе Гейне (около 30 страниц), о филологе Александре Чудакове в качестве романиста (примерно 45), и десяток — о художнике Михаиле Нестерове (Арсланов как-никак доктор искусствоведения). На круг выходит приблизительно 350 страниц. О чем остальные двести — сказать затрудняюсь.

Ни Леонов, ни Гейне в книге под названием «Третий путь» *Андрея Платонова* меня не волновали. Интересовал прежде всего Платонов — хотелось понять, какая, так сказать, концепция его творчества имеется у автора. Увы, первое, что бросилось в глаза, — бурный дилетантизм: Арсланов попросту *не ориентируется в платоноведении*. Кроме сочинения Алексея Варламова и случайных статей еще трех-четырех авторов, он, насколько можно заключить, не читал о Платонове ничего. Причем не знает даже публикаций, непосредственно относящихся к теме его книги¹, — во всяком случае, ни одну из них не называет (возможно, корифею это не по статусу).

¹ Напр.: Н. Г. Полтавцева, *Гуссерлианское, космическое и пушкинское начала в Платонове*, «Эссе в области поэтики» 2002, № 27, с. 97–113; Р. А. Под-

КТО ВЫ, МАНДАРИРЫ КУЛЬТУРЫ?...

Не затрудняясь историей вопроса, Арсланов ведет себя как проникновенный конспиролог, разоблачающий всевозможных «умников». О платоноведах говорит в собирательной форме, без имен и названий работ, ибо все они в представлении Арсланова тупы и злокозненны:

[...] современная литература о нем [Платонове] нередко представляет интерес как отражение «частного бытия» его исследователей или, может быть, как бред этого «частного бытия» (с. 12).

Особенную ненависть вызывают сопоставления отечественной литературы XX в. с западным модернизмом; по мнению автора книги, исследователи только тем и заняты, что тянут нашего Платонова «туда»:

[...] литературоведы объявляют, что Платонов, как и Джойс, как сюрреалисты, демонстрирует нам с тайным любованием всевозможные духовные уродства, садомазохизм, страсть к самоуничтожению и другие комплексы, хорошо современным образованным христианам знакомые (с. 478).

В другом месте проклят некий аноним, который, «будучи профессиональным исследователем творчества Андрея Платонова», удосужился

[...] ампутировать из своего сознания и из своего анализа целые сюжетные линии его опубликованного произведения, играющие центральную смыслообразующую роль [...] поскольку эти сюжетные линии не соответствуют избранной концепции, подгоняющей Платонова под Беккета и Джойса (с. 407).

дубцев, *Борьба за Андрея Платонова во второй половине 1930-х годов*, «Вопросы литературы» 2015, № 10, с. 256–287; J. Platt, *Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard*, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh 2016; П. Хазанов, *Честные якобинцы: Мощный сталинизм и социалистическая субъективность Михаила Лифшица и Андрея Платонова*, «Филологический класс» 2021, т. 26, № 1, с. 67–84; Н. Г. Полтавцева, *Платонов и Лукач: Из истории советского искусства 1930-х годов*, «Новое литературное обозрение» 2011, № 107, с. 253–270; А. Магун, *Отрицательная революция Андрея Платонова*, «Новое литературное обозрение» 2010, № 106, с. 65–95. Для интересующихся назову также статьи, вышедшие одновременно с книгой Арсланова или после нее: А. Н. Муравьев, *Революция — сила хранительная: Михаил Лифшиц и Андрей Платонов*, «Философские науки» 2019, т. 62 (1), с. 121–138; Дж. Сипли, *Андрей Платонов и «живая диалектика» «пушкинского персонажа»*, «Филологический класс» 2021, т. 26, № 1, с. 87–97.

Кто сей темный лорд, чье имя нельзя называть? Не представляю; но недолюбливает его Арсланов крепко. А под ампутированным произведением подразумевается *Котлован* — вот только странно звучит слово «опубликованное»: повесть-то была напечатана в СССР еще в 1987 г.

Однако дело в том, что и вся книга Арсланова — «оттуда», из давних времен. В ней явственно ощущаются два, так сказать, хронологических «среза». Первый — эпоха процветавшей в СССР 50–60 лет назад борьбы с «буржуазными течениями» в эстетике, философии и прочих гуманитарных науках, которой Арсланов тогда отдал дань. Второй — эпоха 30-летней давности: море «возвращенной» литературы в океане идеологической полемики. Этим во многом объясняются вульгарно-социологический подход и агрессивно-публицистический стиль автора книги. Многие из сочинителей конца 1980-х — начала 1990-х гг., познакомившись с «возвращенными» произведениями Платонова, воспринимали его героев так, словно это реальные люди, и, пользуясь сюжетами как социологическим материалом, витийствовали о судьбах России. Такая манера свойственна и Арсланову, для которого платоновские (и не только) произведения — повод порассуждать об историческом пути народа, нации, страны и т.д., попутно обличая тех, кто намерен измерять Россию общим аршином.

Груды диссертаций, книг, статей, коллективных сборников на многих языках доказывают на разные лады: Андрей Платонов — это сюрреалистическая история бродячих крыс и медведей-молотобойцев, это ужас погубленной страны, бессмыслица в квадрате, стихи капитана Лебядкина (с. 544),

— негодует автор. Откуда в его голове это якобы внедряемое злостными литературоведами представление о платоновских героях как всеразрушающем сером охлосе? Да оттуда же — из газетно-журнальных перегибов и загибов перестроенного времени.

А пафос самого Арсланова в том, что даже если народ заблуждается, это, в сущности, святое заблуждение. О нем повествуется прямо захлеб:

Платонов, мне кажется, убеждает: повторение безумия обязательно будет, если мы не поймем народной правды, что была в безумии, и не отличим, не отделим ее от народного же безумия (с. 102).

КТО ВЫ, МАНДАРИРЫ КУЛЬТУРЫ?...

«Народные иллюзии» (с. 155) в высшем смысле полезны, ибо они суть высокая трагедия, свидетельствующая о причастности к мировой истине. Подобной цветастой казуистики в книге много. Вот, например, пассаж про Вторую мировую войну:

Страшная монархия с массовыми азиатскими жертвоприношениями выросла на почве социализма — и только благодаря ему, преждевременному и странному социализму, мы победили, без него было бы какое-то либерально-криминальное гниение, и Россия пала бы под ударами Гитлера, как и вся Европа. Чему же должна быть благодарна Европа — монархии или социализму? Социализму, который для своего выживания пошел на системочуждое — самоубийственное для него — в отличие от системочуждых дополнений к капитализму, спасающих его исторически обреченное дело. Это была жертва, принесенная нашим социалистическим подъемом, жертва, уничтожившая социализм самым позорным образом (с. 156–157).

Вникать в подобные пассажи совершенно неинтересно, тем более что никаких внятных аргументов Арсланов не приводит.

Фантомизация «оппонентов» сильно упрощает задачу; куда легче спорить с выдуманным соперником, лаская себя надеждой, что твоя собственная профессиональная несостоятельность (плохое знание материала и неумение с ним обращаться) искупается сакральностью цели — борьбой с супостатами. К последним для Арсланова принадлежат не только платоноведы; местами он клеймит всех подряд похлеще Николая Добролюбова:

Проза Платонова, как всякое искусство во все времена, — не апология тьмы, это луч света, освещающий предметы, находящиеся для нас во тьме. Что же мы смогли увидеть, читая Платонова по возможности беспристрастно, глазами вменяемого читателя? Мы имели возможность увидеть то, что ныне замазывается сознательно, и отнюдь не бескорыстно, а выполняя социальный заказ (с. 551).

Коротко говоря, злодеи долго и упорно скрывали от народа правду про платоновский «луч света», но вменяемый читатель Арсланов разрушил заговор молчания. Какую же хрустальную правду открыл он человечеству? Она проста и возвышенна: никому не удастся (даже и пытаться не стоит) запретить социальным аутсайдерам всех времен и народов «подняться и заявить о своем праве на человеческую жизнь» (с. 552). А дальше следует совсем уж бездонная истина — недаром фраза выделена в книге курсивом:

Величайшая клевета времени и величайшее предательство мандариров культуры — в идее, что подъем народа джан, батрака Филата, Жачева и Никиты Фирсова — это инфернальное «восстание масс», фашизм и источник одичания человечества, а более — ничего (с. 552–553).

Кто такие мандариры культуры — понятия не имею, но они, несомненно, плохие парни, ибо, по Арсланову, отрицают объективные предпосылки революционных движений и клеветуют на народ, что он плохой и злой, хотя на самом деле он хороший и добрый. Особенно дискредитируют мандариров дипломы о высшем образовании: «Наглость образованного сословия сегодня настолько откровенна, что говорит языком кулака и лавочника» (с. 555).

Сам доктор искусствоведения принадлежать к «образованным» не хочет, а норовит прикинуться простаком:

Надеюсь, мы сможем вместе с непредубежденным читателем, обладающим обыкновенными глазами, не раз увидеть, как А. Платонов и за гробом продолжает потешаться над своими глубокомысленными исследователями (с. 10).

Но простота, как давно заметил русский народ, бывает разная, а «обыкновенным глазам» частенько не удастся сфокусироваться. Мягко говоря, самонадеянным выглядит автор, выступающий с таким, например, заявлением:

От грамотного, классического литературного языка — Платонов в более поздних своих произведениях, особенно на переломе 20–30-х гг., пришел к языку малограмотного героя, путающего слова (с. 473).

Минуя красоты стиля самого Арсланова, скажу только, что на «грамотном» языке Платонов писал (как художественные произведения, так и статьи) в *течение всех тридцати лет* своего творчества. И те же тридцать лет, когда считал это нужным, пользовался языком, выражаясь по-арслановски, «малограмотным». Достаточно сопоставить, например, рассказ *Чульдик и Епишка* (1921 г.), роман *Чевенгур* (1927 г.), трагедию *14 Красных Избушек* (1933 г.), комедию *Ноев ковчег* (1950 г.) — и многое станет ясно. Просто Арсланов не в курсе. Один из органических пороков его сочинения в том, что автор *весьма посредственно представляет себе творчество Платонова в целом.*

Собственно, в книге более-менее подробно описаны (слово «проанализированы» тут никак не подходит) всего два платоновских произведения: повесть *Котлован* и рассказ *Река Потудань*. Уровень становится ясен с одной фразы: «Формально повесть “Котлован” — об индустриализации» (с. 72). После этого (и уже не в первый раз) хочется забросить том куда подальше, поскольку сразу видно, что текст повести прочитан с пятого на десятое. Иначе Арсланов знал бы, что ни про какую «индустриализацию» там нет ни слова. Если кто не помнит — действие в *Котловане* протекает на строительстве «общепролетарского дома» и в «колхозе имени Генеральной Линии»².

Предпринимаемые в книге «разборы» сводятся к комментированному пересказу сюжетов, вроде того как бывает в учебниках, рассчитанных на ленивых и доверчивых студентов-филологов (увы, подобный стиль все шире распространяется в паранаучных сочинениях). Бездоказательные суждения перемежаются глубокомысленными резюме — вроде, например, такого:

Герои повести «Котлован» нарисованы очень скупой кистью, сюжеты лаконичны, как притча, как намек, как смутная аллегория... Все спрессовано до такой степени, что трудно и разглядеть, что перед нами не бессмыслица, а очень тугой клубок смысла, кажущийся безнадежно запутанным. Но если вам удалось найти конец нити и потянуть за него — клубок начинает распутываться, обнаруживая смыслы удивительные, переворачивания захватывающие (с. 171).

Неудивительно, что, говоря о платоновских сюжетах, автор книги допускает элементарные ошибки. Например, в *Котловане* Жачев ползает «на низкой тележке»³, а у Арсланова передвигается вполне валяжно — «в инвалидной коляске» (с. 106). Герой *Чевенгура* Захар Павлович — якобы «паровозный мастер» (с. 167), а на самом деле он чистит топки⁴. Арсланов делает прискорбное «открытие», будто роман *Счастливая Москва* Платоновым «по всей видимости уничтожен» (с. 68). Ну а что за текст под названием *Счастливая Москва*⁵ давно опубликован и широ-

² А. П. Платонов, *Собрание в восьми томах*, т. 3. Время, Москва 2011, с. 427, 472.

³ Там же, с. 436.

⁴ Там же, с. 42.

⁵ См.: А. П. Платонов, *Собрание...*, т. 4, с. 9–110.

ко известен (хотя, оказывается, не всем)? Автор книги сообщает, что у Платонова имеется «рассказ “Степан”» (с. 140), явно перепутав с *Семеном*, который действительно есть. Упоминает некоего «Сафьяна» (с. 481), в то время как персонаж повести *Джан* носит имя Суфьян. Причем подобная участь постигает не только платоновские тексты. Так, помяная всеу роман *Мастер и Маргарита* (куда ж без него), Арсланов обнаруживает там «Никодима Ивановича Босого, буфетчика из Варьете» (с. 345) — стало быть, скрестил председателя домкома *Никанора* Ивановича Босого с буфетчиком Андреем Фокичем Соковым⁶. Это всё проявления той же неряшливой манеры — говорить абы что, на авось, приблизительно. Излагает как мыслит. Думаете, Арсланов в таком духе высказывается только о литературе? Отнюдь. Вот искусствоведческий анализ портрета Ивана Шадра работы Михаила Нестерова: «Две противоположно направленные диагональные линии не пересекаются, а соединяются вверху полотна» (с. 318). Непересекающиеся диагонали прямоугольника — открытие не только в живописной композиции, но и в школьной геометрии.

Примерно с такой же степенью аргументированности, как о *Котловане*, говорится о рассказе *Река Потудань*. В целом же дело с ним обстоит даже хуже, поскольку вмешивается неблагоприятный фактор: специфика сюжета в рассказе такова, что «бытовая» прямолинейность, к которой склонен автор книги, делает его рассуждения бурлескными до степени комизма. Чтобы передать дух, сочащийся сквозь буквы, приведу довольно большой фрагмент «разбора»:

Почему Никита в первую брачную ночь утратил мужскую силу и не мог в дальнейшем восстановить ее? Ответ лежит на поверхности: от избытка любви. И в этом нет ничего необыкновенного, напротив, от избытка желания, от долгого воздержания, живя в непосредственной близости к любимой, Никита вполне мог утратить способность к совершению полового акта. Конечно, случай экстремальный, поскольку молодой здоровый мужчина стал неизлечимым импотентом, живя с молодой и любимой женой, но экстремальные случаи тоже известны медицине. [...] ...Тело его сказало — нет. Почему? Люба как медик знала, что такое бывает, и не очень огорчилась сначала. Ну перемучился мужик, слишком сильно хотел, с кем не бывает. В наши дни Люба могла бы обратиться вместе с мужем и к сексопатологу, он прописал бы таблетки и психотерапию. Может, и заставили бы общими усилиями Никиту совершить половой акт. Но не привело бы

⁶ См.: М. А. Булгаков, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 7, АСТ; Астрель, Москва 2007, с. 114, 247.

КТО ВЫ, МАНДАРИРЫ КУЛЬТУРЫ?...

насилие над телом Никиты к обратному результату, не утопился бы он, как собирался это сделать, в реке Потудани, после того, как совершил насилие над своим телом и телом Любы? [...] Нет, вероятнее всего, не пошел бы он к сексопатологу, даже если бы Люба склоняла его к тому. Чему научил бы его сексопатолог? Он научил бы, как взять женщину не грубым насилием, конечно, а с нежностью и любовью. Он научил бы его, как надо правильно наслаждаться, со вкусом, умело, как это умеют делать настоящие мастера любовных утех казановы прошлого и настоящего. Но как раз этому учиться Никита не хотел (с. 367–368, 370, 373).

Дело не только в наивности формулировок и аргументации, а еще в том, что рассуждения Арсланова тривиальны и не представляют собой ничего нового (хотя про сексопатолога никто из платоноведов, кажется, не додумался). Пока все ограничивается морально-психологическими и абстрактно-философскими рассуждениями — терпеть еще можно. Однако автор пытается придать сюжету об импотенции историософский и даже политический смысл:

Он [Никита], конечно, экстремист и максималист, каких, может быть, вообще нет. Но такой, как Никита, оказалась вся огромная страна под названием СССР. [...] Может быть, не надо было Никите думать о том, чтобы утопиться, а тем более не надо было уходить от любящей его и терпеливой в своем мучительном маленьком счастье Любы? А стране — прекратить безумную попытку «штурма неба», подчиниться диктату Запада? [...] Это рассказ об источнике, из которого российский народ набирался сил, позволивших ему победить фашистскую Европу во главе с Германией (с. 381, 387).

Заодно автор не упускает возможности обличить мандаринров и иже с ними: «Импотенция — самая яркая и самая характерная черта современной культуры» (с. 400). Вообще сексологический дискурс служит надежным средством при описании литературных и общекультурных коллизий. Арсланов заявляет, что «Платонов обнажил человека до такой степени, до какой не желало, не хотело обнажать искусство “критического реализма” XIX в.» (с. 390). Хотя из книги вытекает, что у авторов XIX в. обнаженка тоже играла немалую роль. Особенно достается пушкинской Татьяне Лариной. Сперва — за то, что отказала Онегину:

Она же знала, должна была знать, что ее отказ погубит бедного Евгения, а ведь он действительно затем погибает либо на Кавказе, либо принимая участие в заговоре декабристов. Знала, но голову своему любимому срубила столь же немилосердно, как и Иродиада (с. 38),

— похоже, доктор искусствоведения перепутал Иродиаду с Юдифью. Далее к *Евгению Онегину* почему-то возводится вся концепция «примирения с действительностью», выдвинутая Лукачем и Лифшицем; при этом Арсланов как бы с иронией сообщает, что последние, возможно, «занимались не чем иным в 30-е гг., как духовным онанизмом», и на этой почве дает волю фантазии:

Может быть, и Татьяна занималась тем же самым, причем в самом прямом смысле слова (едва ли старый толстый генерал мог ее сексуально удовлетворить). [...] Занималась ли пушкинская Татьяна мастурбацией или нет, вопрос, конечно, интересный» (с. 62–63).

Ну еще бы не интересный!

Вообще Татьяну разделяют в книге как бог черепахи. То информируют, что ее постигло «необыкновенное счастье [...] она взлетела с перебитыми ногами» (с. 378), — это автор так неуклюже перефразировал оборот из платоновской статьи *Пушкин — наш товарищ*⁷. То нонсенс сменяется банальностями школьного уровня:

Она спасла свою любовь, вынеся ее за пределы реальной жизни, а если бы она жила с Онегиным законным браком или уехала бы куда-нибудь с ним за границу, то погубила бы свою любовь (с. 378).

Впрочем, не все так просто — практикуя «любовь, освободившуюся от общества», Татьяна, оказывается, способствовала «развитию духовных производительных сил в условиях азиатского деспотизма, в условиях парадоксальной свободы в цепях» (с. 378). Если же вспомнить, что у героини имелось особое средство «примирения с действительностью», гарантировавшее даже от «старого толстого генерала»... А кстати — почему он старый? Очередная фантазия; у Пушкина назван просто «толстым»⁸. Может, зря Арсланов сочувствует Татьяниной неудовлетворенности? Хотя она ведь говорит, что «муж в сраженьях изувечен»⁹, — значит, скорее всего, неминувема «свобода в цепях»; ах, сексопатолог...

Общий пафос Арсланова в том, что Платонов (вкуче с Лифшицем и Лукачем) открыл некий особый путь, который ему,

⁷ См.: А. П. Платонов, *Собрание...*, т. 7, с. 96.

⁸ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 17 томах*, т. 6. Воскресенье, Москва 1995, с. 163.

⁹ Там же, с. 187.

КТО ВЫ, МАНДАРИРЫ КУЛЬТУРЫ?...

Арсланову, внятен и по которому Россия должна неуклонно следовать — иначе беда:

Наша страна в XX в. впала в такую трагическую ошибку, что может быть сравнима с ошибкой Анны Карениной, погубившей всех близких ей людей и ее саму (с. 152).

Однако при том уровне понимания платоновского творчества, который продемонстрирован в книге, приглашение последовать куда-либо за ее автором вызывает разве что желание предложить ему пойти самостоятельно.

Справедливости ради стоит заметить, что в книге обсуждается еще множество материй. Например, как уже говорилось, Арсланова не меньше Платонова волнует Леонов. Если же во-круглитературные пассажи наскучат — найдется и про Михаила Горбачева, и про «Аль-Каиду» с ИГИЛом, и про выборную конкуренцию Хилари Клинтон с Дональдом Трампом, и про радио «Эхо Москвы» с упоминанием конкретных «духовных вождей либеральной интеллигенции» (с. 294); в общем, на всех хватит.

И еще одна — вовсе невеселая — особенность есть у автора книги: склонность сводить счеты с давно умершими людьми. Вот он в стиле гуру поучает погибшего 18 лет назад литературоведа Чудакова:

Давайте представим, что было бы, прислушайся А. Чудаков к реальному Мих. Лифшицу, а не к ватерклозетному фанатику, изображенному им [Чудаковым] в романе. [...] ...Почти наверняка он не ушел бы из жизни в состоянии утраты веры в культуру и человечество (с. 457–458).

А вот — об умершей двадцать лет назад женщине, искусствоведе Нине Дмитриевой: «Госпожа Н. А. Дмитриева, а догадывались ли вы, куда устремился поток, в котором вы оказались к 60-м гг., покинув “течение” Лифшица?» (с. 539); и вдогонку добавляет: «...слова, написанные о Пластове [художнице — Е. Я.] Н. Дмитриевой, — верх несправедливости, позорные для столь образованного искусствоведа, как она, слова» (с. 552). Вот только «слов» этих самых в книге нет — забыл вставить в мстительном раже. В общем, тенденция все та же: автор яростно сражается с призраками прошлого. Но, как намекал герой Максима Горького, на призраке прошлого далеко не уедешь.

Наверное, уже понятно, что прочтение труда Арсланова потребовало немалых усилий. Жаль только, что хлопоты вышли на-

прасные. В очередной раз подтвердилась правильность афоризма «время — деньги»: то и другое оказалось выброшено на ветер.

Книга издана довольно давно, поэтому я поинтересовался откликами. Среди знакомых не нашлось никого, кто ее прочитал, зато в одной из газет, оказывается, подала голос некая дама, не замеченная в платоноведении и оттого, наверное, изъясняющаяся в духе одного платоновского персонажа — «страшно авторитетно»¹⁰:

Книга Арсланова представляется мне серьезным вкладом в изучение не только Платонова, но и всей «революционной» эпохи с ее плюсами и минусами. Будем ждать обещанную автором вторую книгу о писателе¹¹.

Чёрта с два. Пусть она ждет — а я вновь погружаться в *это* не стану ни за что. Даже если второй том мне подарят, как писал Платонов, «даром и навеки»¹². И даже если при этом компенсируют деньги, потраченные на первый.

НО ВСЕ ЖЕ ОПТИМИСТИЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зато полиграфически книга сделана хорошо; спасибо петербургскому ООО «Аллегро». Обложка глянцевая, прочная, бумага плотная и сшита крепко. Если, например, у тумбочки отвалится ножка, можно вместо нее подложить этот том — держать будет надежно.

Май 2021

REFERENCES

- Bulgakov, Mikhail. *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh*. Moskva: AST; Astrel', 2007–2011 [Булгаков, Михаил. *Собрание сочинений в восьми томах*. Москва: АСТ; Астрель, 2007–2011].
- Chaykovskaya, Vera. "Chudesa «perevorachivaniya». *Sovremennye interpretatory vidyat v Platonove syurrealista, kotoryy pokazal beznadezhnyy ad bitvy za*

¹⁰ А. П. Платонов, *Собрание...*, т. 7, с. 52.

¹¹ В. Чайковская, *Чудеса «переворачивания»*. *Современные интерпретаторы видят в Платонове сюрреалиста, который показал безнадежный ад битвы за коммунизм*, «Независимая газета» 25 апр. 2019, https://www.ng.ru/non-fiction/2019-04-25/15_980_03.html (21.01.2022).

¹² А. П. Платонов, «...я прожил жизнь»: *Письма. 1920–1950 гг.* Астрель, Москва 2013, с. 257.

КТО ВЫ, МАНДАРИРЫ КУЛЬТУРЫ?...

- kommunizm.” *Nezavisimaya gazeta*. 15.04.2019 [Чайковская, Вера. “Чудеса «переворачивания». Современные интерпретаторы видят в Платонове сюрреалиста, который показал безнадежный ад битвы за коммунизм.” *Независимая газета*, 15 апреля 2019] <https://www.ng.ru/non-fiction/2019-04-25/15_980_03.html>].
- Sipli, Jason. “Andrej Platonov i ‘zhivaya dialektika’ ‘pushkinskogo personazha’.” *Filologicheskij klass* 2021, t. 26, no. 1: 87–97 [Сипли, Джейсон. “Андрей Платонов и ‘живая диалектика’ пушкинского персонажа”. *Филологический класс* 2021, t. 26, no. 1: 87–97].
- Khazanov, Pavel. “Chestnyye yakobintsy: Moshchnyy stalinizm i sotsyalisticheskaya sub”ektiv-nost’ Mikhaila Lifshitsa i Andreya Platonova.” *Filologicheskij klass* 2021, t. 26, no. 1: 67–84 [Хазанов, Павел. “Честные якобинцы: Мощный сталинизм и социалистическая субъективность Михаила Лифшица и Андрея Платонова.” *Филологический класс* 2021, t. 26, no. 1: 67–84].
- Magun, Artemiy. “Otritsatel’naya revolyutsiya Andreya Platonova.” *Novoe literaturnoe obozreniye* 2010, no. 106: 65–95 [Магун, Артемий. “Отрицательная революция Андрея Платонова.” *Новое литературное обозрение* 2010, no. 106: 65–95].
- Murav’ev, Andrey. “Revolyutsiya — sila hranitel’naya: Mihail Lifshits i Andrej Platonov.” *Filosofskie nauki* 2019, t. 62(1): 121–138 [Муравьев, Андрей. “Революция — сила хранительная: Михаил Лифшиц и Андрей Платонов.” *Философские науки* 2019, t. 62(1): 121–138].
- Platt, Jonathan. *Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard*. University of Pittsburgh Press, Pittsburgh 2016.
- Platonov, Andrey. *Sobranie v vos’mi tomah*. Moskva: Vremya, 2011–2012 [Платонов, Андрей. *Собрание в восьми томах*. Москва: Время, 2011–2012].
- Platonov, Andrey. “...ya prozhil zhizn’”: Pis’ma. 1920–1950 gg. Moskva: Astrel’, 2013 [Платонов, Андрей. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. Москва: Астрель, 2013].
- Poddubtsev, Roman. “Bor’ba za Andreyu Platonovu vo vtoroy polovine 1930-kh godov.” *Voprosy literatury* 2015, no. 10: 256–287 [Поддубцев, Роман. “Борьба за Андрея Платонова во второй половине 1930-х годов.” *Вопросы литературы* 2015, no. 10: 256–287].
- Poltavtseva, Natal’ya. “Gusserlianskoye, kosmicheskoye i pushkinskoye nachala v Platonove.” *Esse v oblasti poetiki* 2002, no. 27: 97–113 [Полтавцева, Наталья. “Гуссерлианское, космическое и пушкинское начала в Платонове.” *Эссе в области поэтики* 2002, no. 27: 97–113].
- Poltavtseva, Natal’ya. “Platonov i Lukach: Iz istorii sovetskogo iskusstva 1930-kh godov.” *Novoye literaturnoye obozreniye* 2011, no. 107: 253–270 [Полтавцева, Наталья. “Платонов и Лукач: Из истории советского искусства 1930-х годов.” *Новое литературное обозрение* 2011, no. 107: 253–270].
- Pushkin, Aleksandr. *Polnoye sobraniye sochineniy v semnadsati tomakh*. T. 6. Moskva: Voskresen’е, 1995 [Пушкин, Александр. *Полное собрание сочинений в семнадцати томах*. Т. 6. Москва: Воскресенье, 1995].